

В. А. Томсинов

**Международное право
с точки зрения
воссоединения Крыма с Россией**

*Публикуется:
в журнале «Законодательство». 2014. № 7*

В. А. Томсинов, заведующий кафедрой юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор

Международное право с точки зрения воссоединения Крыма с Россией

Воссоединение Крыма с Россией принадлежит к таким событиям, для юридической оценки которых необходимо аналитическое исследование целого ряда основополагающих принципов, институтов и проблем международного права — прежде всего права народа на самоопределение, условий и способов его реализации, его соотношения с принципом территориальной целостности государств, проблемы сепарации, юридической природы независимости и суверенитета, международного признания и непризнания новых государств. При этом не обойтись без изучения конкретных случаев реализации права на самоопределение и попыток его осуществления в практике международных отношений путем сепарации, их отражения в судебных решениях и в экспертных заключениях международных комиссий юристов, в трудах авторитетных правоведов-международников. Вместе с тем юридическая оценка того или иного события с точки зрения международного права предполагает уяснение сущности законности и легитимности в международно-правовых отношениях, что в свою очередь требует обращения к вопросу об источниках международного права¹.

¹ «Проблема источников международного права, — отмечал советский классик международно-правовой науки Г.И. Тункин, — имеет большое теоретическое и практическое значение, поскольку речь идет о том, где искать нормы международного права» (Курс международного права. В 7 томах. Том 1. Понятие, предмет и система международного права / Отв. редакторы: Р.А. Мюллерсон, Г.И. Тункин. М., 1989. С. 182).

Выход или попытка выхода той или иной территории из состава государства всегда порождает конфликт, в котором помимо политических, экономических и геополитических интересов сталкиваются между собой и различные мнения по тем или иным международно-правовым проблемам, и разные юридические оценки этого события. Такого рода конфликты имеют большое значение для развития международного права: попытки разобраться в них, смягчить противоречия между государствами способствуют более глубокому уяснению сущности международно-правовых институтов, стимулируют выработку новых механизмов и способов разрешения международных споров. Воссоединение Крыма с Россией стало событием, вызвавшим не просто острый конфликт, но и глубокий сдвиг в международных отношениях². При этом обнаружилось истинное состояние современного международного права: в нем проявились такие пробелы, противоречия и недостатки, без устранения которых невозможно его поступательное развитие и соответственно поддержание устойчивого правопорядка в международных отношениях.

В предыдущей статье, посвященной юридической оценке воссоединения Крыма с Россией, данное событие рассматривалось с точки зрения международного права³. Обращение к нормам и принципам, выраженным в Уставе ООН, международных конвенциях

² Хасан Асгари, иранский эксперт по балканским вопросам, занимавшийся проблемой косовского кризиса в международных отношениях, сделал следующий вывод о конфликте, возникшем вследствие воссоединения Крыма с Россией: «Продолжающийся кризис в связи с ситуацией на Крымском полуострове в настоящее время превратился в одно из наиболее важных международных событий, особенно в плане вызванного им противостояния между Востоком и Западом. Ситуация настолько серьезна, что некоторые аналитики описывают ее как «вторую Холодную войну» и новую арену конфронтации между этими двумя извечными политическими соперниками. В прошлом подобный кризис в Косово также превратился в международное событие и повлек за собой создание нового прецедента в мире. Кризис в Крыму также станет новой точкой отсчета в мировой политической системе» (Hassan Asgari A Comparative View to Crises in Crimea and Kosovo // Iran Review. April 24, 2014 // www.iranreview.org).

³ См.: *Томсинов В.А.* Воссоединение Крыма с Россией с точки зрения международного права // Законодательство. 2014. № 6.

и декларациях, анализ практики Международного суда, изучение международно-правовой традиции разрешения споров, возникавших в таких случаях, как попытка выхода Аландских остров из состава Финляндии после распада Российской империи, отделение Восточного Пакистана (Бангладеш) от Пакистанского государства, референдум в Квебеке о выходе этой провинции из Канады, выход Косово из состава Сербии, – все это позволяет обнаружить основания для признания выхода Крыма из состава Украины вполне легитимным. Однако для более глубокого осмысления юридической ситуации, возникшей в результате данного события, необходимо прежде всего понять, в каком состоянии пребывает действующее в настоящее время международное право. Взгляд на него сквозь призму воссоединения Крыма с Россией поможет в этом разобраться.

* * *

Выход какой-либо территории и проживающего на ней народа из состава государства обыкновенно совершается на основе результатов референдума и путем принятия декларации о независимости. Юристы склонны оценивать референдум о сецессии исключительно с позиции государственного права той страны, где он проводится, и если ее конституция не предусматривает возможности его проведения, то признают его не соответствующим конституционным нормам и, следовательно, незаконным.

В качестве примера можно привести принятое 21 марта 2014 года консультативным органом по конституционному праву при Совете Европы (так называемой «Венецианской комиссией») ⁴ экспертное заключение по вопросу, совместимо ли с конституционными

⁴ «Венецианской комиссией» именуется учрежденная в 1990 г. в Венеции Европейская Комиссия за демократию через право (European Commission for Democracy through Law).

принципами решение Верховного Совета Автономной Республики Крым в Украине об организации референдума о том, чтобы стать субъектом Российской Федерации или восстановить Конституцию Крыма 1992 года. При ответе на этот вопрос юристы Совета Европы сделали следующие выводы:

1) «Конституция Украины, как и другие конституции государств-членов Совета Европы, предусматривает целостность страны и не позволяет проводить какой бы то ни было местный референдум об отделении от Украины. Это вытекает, в частности, из статей 1, 2, 73 и 157 Конституции. Эти положения в совокупности с разделом X Конституции показывают, что этот запрет применим также к Автономной Республике Крым, и Конституция Крыма не позволяет Верховному Совету Крыма назначать такой референдум. По украинской конституции допустимым мог бы являться только консультативный референдум о более широкой автономии».

2) «Обстоятельства в Крыму не позволяли провести референдум в соответствии с европейскими демократическими стандартами. Любому референдуму о статусе какой-либо территории должны предшествовать серьёзные переговоры всех заинтересованных сторон. Таких переговоров не было»⁵.

В 22-м пункте основного текста указанного документа признается, что «Венецианская комиссия не дала всесторонней оценки текущей

⁵ Opinion on “whether the decision taken by the Supreme Council of the Autonomous Republic of Crimea in Ukraine to organise a referendum on becoming a constituent territory of the Russian Federation or restoring Crimea’s 1992 Constitution is compatible with constitutional principles”. Adopted by the Venice Commission at its 98th Plenary Session (Venice, 21-22 March 2014). Venice, 2014. P. 6. На титульном листе названного документа указано, что он составлен на основе комментариев венгерского юриста, по истории сравнительного конституционного права из Венгрии Петера Пацолаи, специалиста по конституционному праву из Польши Ханы Сухоцкой, председателя Конституционного суда Болгарии Евгения Танчева и Карло Туори, профессора юриспруденции Хельсинского университета (Финляндия).

ситуации в Крыму»⁶. Приведенные выводы являются подтверждением этого признания: они умозрительны и односторонни по своему содержанию. Приступая к ответу на вопрос о соответствии конституционным принципам решения Верховного Совета Автономной Республики Крым о проведении 16 марта референдума об отделении от Украины, Венецианская комиссия должна была сначала выяснить юридическую природу референдума о сепарации и решить, насколько обоснованным является взгляд на него с точки зрения исключительно конституционного права и не следует ли рассмотреть его с позиции геополитических интересов России, с учетом прошлой истории Крыма, принимая во внимание культурно-исторический тип крымского общества, настроения крымчан, состояние нынешней украинской государственности. И конечно же, юридическая оценка крымского референдума будет не адекватной, если игнорировать его международно-правовую сторону.

В пункте 17 экспертного заключения Венецианской комиссии от 21 марта 2014 года утверждается, что запрет Конституции Украины проводить референдум об отделении «никоим образом не противоречит европейским конституционным стандартам. Для конституций государств-членов Совета Европы скорее типично, что отделение не допускается». Действительно, можно привести только один случай, когда конституция европейского государства предусматривала возможность проведения референдума о выходе из состава государственного союза, т.е. придавала сепарации конституционный характер. Это статья 60 Конституционной хартии

⁶ Полный текст п. 22 Заключения Венецианской комиссии гласит: «Хотя Венецианская комиссия не провела всесторонней оценки текущей ситуации в Крыму, массовое публичное присутствие вооруженных (военизированных) сил не способствует демократическому принятию решений (While the Venice Commission has not made a comprehensive assessment of the current situation in Crimea, the massive public presence of (para)military forces is not conducive to democratic decision making)».

Государственного сообщества Сербии и Черногории, вступившей в силу 4 февраля 2003 года. В ней говорилось: «По истечении трехлетнего периода, государства-члены должны иметь право на инициирование процедуры для изменения своего государственного статуса или выхода из Государственного сообщества Сербии и Черногории. Решение о выходе из Государственного сообщества Сербии и Черногории должно быть принято по результатам референдума. Закон о референдуме должен приниматься государством-членом с учетом международно признанных демократических стандартов».

Установленный трехлетний срок запрета проводить референдум о выходе из Государственного сообщества Сербии и Черногории истек 4 февраля 2006 года. И уже 2 марта того же года черногорский парламент единогласно принял закон о референдуме, а 21 мая он состоялся. На голосование был вынесен вопрос: «Желаете ли Вы, чтобы Республика Черногория стала независимым государством с полным международно-правовым суверенитетом?» По условиям референдума для получения Черногорией независимости требовалось 55% голосов участников референдума. 31 мая были подведены итоги голосования. Оказалось, что при общей явке 86,5% за независимость Черногории проголосовало 55,5% участвовавших в голосовании⁷. Результаты референдума были без промедления признаны ведущими мировыми державами. 3 июня 2006 года черногорский парламент принял Декларацию о независимости Черногории. Сербия в соответствии со статьей 60 Конституционной

⁷ В референдуме участвовало 400 000 черногорцев. Полпроцента голосов за независимость, превысивших барьер в 55%, дали всего 2 000 человек.

хартии 2003 года. стала правопреемницей Государственного сообщества Сербии и Черногории.

Описанный случай конституционной сецессии уникален — он произошел благодаря редкому стечению обстоятельств. Государственный союз Сербии и Черногории был переходным политическим образованием в процессе распада Югославии: он изначально считался союзом временным, что убедительно демонстрирует содержание статьи 60 его Конституционной хартии, в которой предусматривается порядок выхода из него Сербии или Черногории.

Обзор конституций европейских государств показывает, что даже если в них провозглашается право народов или наций на самоопределение, оно никак не связывается с выходом их из состава государства. Можно поэтому согласиться с утверждением Венецианской комиссии о том, что для конституций государств-членов Совета Европы типичными являются ситуации, когда сецессия не допускается.

Данное утверждение Венецианская комиссия дополнила в пункте 18 своего экспертного заключения выводом, согласно которому «самоопределение понимается прежде всего как внутреннее самоопределение в пределах существующих границ, а не как внешнее самоопределение через отделение».

Этот вывод был заимствован составителями этого документа из доклада «Самоопределение и отделение в конституционном праве», одобренного Венецианской комиссией в декабре 1999 года. В его заключительной части говорилось: «Термин "self-determination (самоопределение)", в отличие от термина "secession (выход из состава государства)", никоим образом не является чуждым

конституционному праву. Однако в конституционном праве нет ни общего признания права на самоопределение, ни общего определения тех, кто обладает им, ни его содержания. Более того, изученные конституции, в тех случаях, когда они признают право на самоопределение, не предусматривают процедур, которые бы позволили его осуществить. Процедурные нормы существуют только для модификации территориальных границ внутри государства, которая прямо не признается формой права на самоопределение»⁸.

Основу конституции современного развитого государства составляет принцип народовластия. Референдум как способ выражения народной воли полностью ему соответствует. Он используется в случаях, когда необходимо решить вопросы о ратификации важных международных договоров, о введении в действие наиболее значимых законов, для принятия или изменения конституции. Причем в последнее десятилетие роль подобных референдумов в государственной политике европейских стран заметно возросла⁹.

Однако проведение референдума по вопросу выхода какого-либо народа вместе с территорией, на которой он проживает, из состава государства конституциями почти всегда тем или иным образом запрещается. «Запрет сецессии в любом случае, как правило, вытекает

⁸ Self-Determination and Secession in Constitutional Law. Report adopted by the Commission at its 41th meeting (Venice, 10–11 December 1999. Venice, 1999. P. 13.

⁹ Об этом свидетельствует, например, принятый во Франции 23 июля 2008 г. Конституционный закон, который внес целый ряд поправок в Конституцию Французской республики и существенно изменил содержание статьи 11, дававшей президенту полномочие «вынести на референдум любой касающийся организации публичных властей проект закона, допускающий одобрение с согласия общества или имеющий целью получить разрешение на ратификацию договора, который, не противореча Конституции, отразился бы на функционировании государственных институтов» (Конституция Пятой республики. 4 октября 1958 года // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Новое и Новейшее время / Составитель В.А. Томсинов. М., 2012. С. 376). Теперь данная статья предоставляет президенту Франции полномочие выносить на референдум еще и законопроекты «о реформах, касающихся экономической или социальной политики государства или его политики в области защиты окружающей среды и публичных служб, содействующих этой политике».

из конституционных положений, касающихся ценностей, отрицаемых ею: неделимости, национального единства и еще чаще территориальной целостности», — говорится в цитированном выше докладе Венецианской комиссии «Самоопределение и сецессия в конституционном праве»¹⁰.

Описанная ситуация является вполне закономерной.

Конституционное право призвано стоять на страже территориальной целостности государства, предотвращать любые возможности его распада, а значит и выход из его состава какой-либо территории. С этой точки зрения *любой референдум о выходе какой-либо территории из состава государства не соответствует предназначению конституционного права, является чужеродным для него институтом*. В 1999 году Венецианская комиссия признала эту истину, одобрив доклад «Самоопределение и сецессия в конституционном праве», в котором помимо прочего утверждалось: «В то время как *сецессия в самых общих чертах является чуждой конституционному праву, право на самоопределение, подразумеваемое прежде всего как внутригосударственное, является элементом, который часто включается в конституционное право, но при этом требуется отделять его от сецессии*»¹¹ (курсив мой. — В.Т.). Очевидно, что признание сецессии чужеродным для конституционного права институтом подразумевает признание таковым и референдума о сецессии.

Иначе говоря, референдум о сецессии является неконституционным по самой своей юридической природе. Он не нарушает конституции, поскольку его неконституционность есть свойство всегда ему присущее.

¹⁰ Self-Determination and Secession in Constitutional Law. Report adopted by the Commission at its 41th meeting (Venice, 10–11 December 1999. Venice, 1999. P. 13.

¹¹ Ibidem.

Экспертное заключение Венецианской комиссии от 21 марта 2014 года о несоответствии референдума об отделении Крыма от Украины украинской и крымской конституциям всего лишь подтверждает факт его неконституционности, присущей ему по юридической природе.

В отличие от референдумов по вопросам принятия законов или важных для общества политических решений, *референдум о сецессии имеет международно-правовую природу: он должен быть признан институтом международного права.* Именно с такого референдума обыкновенно начинается процедура осуществления права народа на самоопределение путем его выхода из состава государства.

Международно-правовая природа референдума о сецессии подтверждается и практикой международных отношений, которая показывает, что референдум такого рода нередко инициируется Советом Безопасности ООН. Например, 27 июня 1990 года этим международным органом была принята резолюция № 658, в которой, помимо рекомендации о прекращении боевых действий между Марокко и Фронтом Полисарио, предлагалось провести под контролем ООН референдум, позволяющий народу Западной Сахары сделать выбор между независимостью и вхождением в состав Марокко¹². Резолюцией Совета Безопасности от 11 июня 1999 года был инициирован референдум о выходе Восточного Тимора из состава Индонезии¹³. Он был проведен 30 августа в того же года и дал в пользу независимости 78, 5% голосов из 439 000 человек, зарегистрированных в качестве имевших право голоса¹⁴. В результате 20 мая 2002 года

¹² Этот референдум до сих пор так и не был проведен.

¹³ С 1702 г. Восточный Тимор являлся колонией Португалии. 28 ноября 1975 г. он официально стал самостоятельным, независимым государством, но спустя 9 дней — 7 декабря — подвергся агрессии со стороны Индонезии и был включен в нее качестве провинции.

¹⁴ В течение всего 25-летнего периода оккупации Восточного Тимора власти Индонезии проводили, при поддержке США, политику геноцида в отношении местного населения. После референдума индонезийские войска обрушили на сторонников независимости Восточного Тимора жестокие репрессии. Исследователь Института по изучению безопасности западно-европейского

Восточный Тимор был объявлен суверенным государством — Демократической республикой Восточный Тимор.

Международно-правовая природа референдума о сецессии предопределяет невозможность обеспечить его правовое регулирование нормами только конституционного права. Однако и в рамках международно-правового порядка право народа на самоопределение путем выхода из состава государства, в котором он пребывает, не имеет надлежащего юридического механизма для своего осуществления.

Международное право признает, в случае наступления определенных условий, возможность осуществления каким-либо народом права на самоопределение не только внутри государства, в котором он пребывает, но и путем выхода из него¹⁵. При этом на все государства возлагается обязанность уважать право на самоопределение и не препятствовать его реализации. «Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций», одобренная 24 октября 1970 года Генеральной Ассамблеей ООН, объявив, что «создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним или установление любого другого политического статуса, свободно определенного народом, составляют способы осуществления права на

союза Мартин Ортега в своей статье с примечательным названием «Независимость Восточного Тимора: угроза единству Индонезии» указывает, что в первый месяц после референдума было убито приблизительно 30 000 жителей Восточного Тимора, 130 000 было изгнано из местностей, в которых проживали. ООН отреагировала на эти эксцессы вводом 20 сентября в Восточный Тимор интернациональных вооруженных сил, которые сумели прекратить вакханалию убийств местных жителей (*Ortega M. La independencia de Timor Oriental: ¿Peligra la unidad de Indonesia // Política Exterior. 2000. Vol. 14. No. 73. P. 37*)

¹⁵ См. подробнее об этом: *Томсинов В.А. Воссоединение Крыма с Россией с точки зрения международного права // Законодательство. 2014. № 6.*

самоопределение этим народом», дополнила эту норму следующим положением: «Каждое государство обязано воздерживаться от каких-либо насильственных действий, лишаящих народы, о которых говорится выше, в изложении настоящего принципа, их права на самоопределение, свободу и независимость. В своих мерах против таких насильственных действий и в оказании им сопротивления эти народы, в порядке осуществления своего права на самоопределение, вправе добиваться поддержки и получать ее в соответствии с целями и принципами Устава»¹⁶.

Употребление в приведенных положениях таких слов, как свобода и независимость, «создание суверенного и независимого государства» и т.п. явно предполагает в качестве одного из способов осуществления права народа на самоопределение выход из состава государства, а значит нарушение его территориальной целостности. Между тем незыблемость государственных границ является жизненно важным для любого государства условием его существования и немаловажным фактором поддержания международного правопорядка. Именно поэтому все конституции чаще всего прямо заявляют или, при отсутствии такого заявления, недвусмысленно подразумевают, что территория государства целостна и неприкосновенна¹⁷. А «Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами» призывает государства воздерживаться не только от насильственных

¹⁶ United Nations Declaration on Principles of International Law Concerning Friendly Relations and Cooperation among States // International Legal Materials. 1970. Vol. 9. No. 6. P. 1296.

¹⁷ В преамбуле действующей Конституции России говорится, что она исходит «из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов». При этом в статье 3 ее основного текста декларируется, что «Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории». В преамбуле действующей Конституции Украины объявляется, что она принята Верховным советом Украины «на основе осуществленного украинской нацией, всем Украинским народом права на самоопределение». В статье 2 провозглашается: «Территория Украины в пределах существующей границы целостна и неприкосновенна».

действий, лишающих народы «их права на самоопределение, свободу и независимость», но и от любых таких действий, которые направлены на «на частичное или полное нарушение национального единства и территориальной целостности любого другого государства или страны»¹⁸.

Противоречие между правом народа на самоопределение, осуществляемым путем сепарации, и принципом территориальной целостности государства усугубляется еще и тем, что ни в конституционном праве, ни в праве международном не дается определения понятию «народ», который может иметь право на самоопределение. Все имеющиеся толкования данного понятия — в том числе и те, которые выработаны международными комиссиями юристов, действовавшими под эгидой ООН, выражены в решениях судов¹⁹, высказаны в трудах ученых правоведов, специалистов в области международного права, — являются не более, чем отдельными мнениями. Они могут приниматься во внимание при вынесении решений Международным судом, но, согласно статье 38 его Статута лишь «в качестве субсидиарных средств для определения норм права»²⁰.

Если выход какой-либо территории из состава государства и тем более присоединение ее к другому государству приобретает характер конфликта, то он редко остается внутригосударственным — противоречием исключительно между теми, кто стремится выйти из государства, и правительством этого государства. Осуществление права на самоопределение путем сепарации влечет за собой появление

¹⁸ United Nations Declaration on Principles of International Law Concerning Friendly Relations and Cooperation among States. P. 1296.

¹⁹ См., например: Judgments of Supreme Court of Canada: Reference re Secession of Quebec, [1998] 2 S.C.R. 217. § 124 // <http://scc-csc.lexum.com/scc-csc/scc-csc/en/item/1643/index.do>

²⁰ Statute of the International Court of Justice // The International Law Quarterly. 1947. Vol. 1. No. 1. P. 126.

новых государств, а в случае вхождения отделившейся территории в состав другого государства — увеличение его пространства с одновременным уменьшением пространства того государства, к которому эта территория относилась раньше. Все это способно довольно существенно изменить расклад сил в том регионе, где возникает такая ситуация. Заинтересованные государства чаще всего не остаются в стороне и вмешиваются в нее, чтобы содействовать ее развитию в выгодном для себя направлении. В результате исход конфликта между теми, кто стремится к самоопределению путем выхода из состава государства, и властями этого государства начинает зависеть не только от соотношения сил между ними, но и от поддержки, оказываемой им другими государствами.

Косовские албанцы не имели никаких шансов на реализацию права на самоопределение путем выхода из состава Сербии и образования собственного государства, если бы их не поддержали США и ведущие западноевропейские державы, а НАТО не провела бы с 24 марта по 10 июня 1999 года военную операцию против Югославии. Затеянная без соответствующего мандата ООН, эта операция свелась в основном к бомбардировке военных и гражданских объектов на территории Сербии и, в частности, в ее столице Белграде²¹. Главной причиной для осуществления столь жестокой акции против сербов было объявлено стремление предотвратить грубые нарушения югославскими властями прав

²¹ В течение 78 дней операции против Югославии авиация НАТО совершила 38 400 боевых вылетов, сбросив и выпустив более 23 000 бомб и ракет. По официальной информации югославских властей вследствие агрессии НАТО погибло более 1 700 человек, в том числе почти 400 детей, примерно 10 тысяч человек получили серьезные ранения. Согласно данным организации «Human Rights Watch», приведенным в докладе международной комиссии по Косово, в результате бомбардировок НАТО было убито не менее 488 и не более 527 гражданских лиц.

человека в Косово²². Однако если бы руководители США и НАТО действительно были проникнуты заботой о соблюдении прав человека, то они непременно обратили бы внимание на массовые преступления против сербского и албанского населения Косово созданной косовскими албанцами так называемой «армии освобождения».

Об истинных мотивах военной операции НАТО против Югославии проговорился в своей книге «Курс на столкновение: НАТО, Россия и Косово» Джон Норрис, который во время описываемых событий занимал должность директора по коммуникациям в аппарате заместителя госсекретаря США Строба Тэлботта. «Именно сопротивление Югославии более широкому курсу политических и экономических реформ — не бедственное положение косовских албанцев — лучше всего объясняет войну НАТО. Милошевич так долго был костью в горле трансатлантического сообщества, что Соединенные Штаты почувствовал, что именно он ответит за военное давление. Повторявшееся неповиновение Слободана Милошевича шло прямо вразрез с видением Европы "единой и свободной" и ставило под сомнение саму полезность дальнейшего существования НАТО»²³. Один из ведущих в современном мире правоведов-международников Рейн Мюллерсон²⁴ следующими словами прокомментировал вышеприведенное

²² См.: The Kosovo Report. Conflict. International Response. Lessons Learned. The Independent International Commission on Kosovo. Oxford, 2000. P. 159–160.

²³ «It was Yugoslavia's resistance to the broader trends of political and economic reform—not the plight of Kosovar Albanians—that best explains NATO's war. Milosevic had been a burr in the side of the transatlantic community for so long that the United States felt that he would only respond to military pressure. Slobodan Milosevic's repeated transgressions ran directly counter to the vision of a Europe "whole and free," and challenged the very value of NATO's continued existence» (Norris J. Collision Course: Nato, Russia, and Kosovo / Foreword by Strobe Talbot. Westport, 2005. P. XXIII).

²⁴ Выпускник юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Рейн Авович Мюллерсон в настоящее время является Президентом Таллиннской школы права, Таллиннского университета, в 2013 г. был избран президентом Института международного права, основанного в 1873 г.

признание Джона Норриса: «Косово не было операцией с единственно гуманитарными целями, но являлось операцией по смене режима с геополитическими целями и смыслами»²⁵. Подобным же образом охарактеризовал военную операцию НАТО в Косово и Ноам Хомский. В 2006 году в своем интервью государственному телевидению Сербии авторитетный американский философ и политический публицист сказал: «Обратите внимание на книгу Джона Норриса и на его слова о том, что реальная цель войны не имела никакого отношения к косовским албанцам. Она произошла потому, что Сербия не проводила требуемых социальных и экономических реформ: это означает, что она была последним уголком Европы, который не подчинился управляемым США неолиберальным программам и поэтому должен был быть уничтоженным»²⁶.

Оценивая выход Косово из состава Сербии с учетом военных действий, предпринятых западными державами против небольшого сербского государства, Рейн Мюллерсон счел необходимым заметить: «Декларация о независимости, принятая Косово, на самом деле, может быть, и не нарушила международного права, однако тот факт, что она стала возможной как результат натовской бомбардировки Сербии,

²⁵ *Müllerson R. Regime Change: From Democratic Peace Theories to Forcible Regime Change. Leiden, 2013. P. 190.*

²⁶ «Take a look on John Norris's book and what he says is that the real purpose of the war had nothing to do with concern for Kosovar Albanians. It was because Serbia was not carrying out the required social and economic reforms, meaning it was the last corner of Europe which had not subordinated itself to the US-run neo-liberal programs, so therefore it had to be eliminated». Данное интервью заметили в США, и Джону Норрису вместе со Стробом Тэлботтом пришлось оправдываться, говорить, что Ноам Хомский неправильно его понял. Однако достаточно сравнить сказанное американским философом с тем, что написал американский дипломат, чтобы убедиться, что другого смысла, чем тот который увидел в словах Джона Норриса об истинной цели воны НАТО против Сербии Ноам Хомский, обнаружить трудно. См.: <http://balkanwitness.glypx.com/Chomsky-Norris.htm>

добавляет доверия мысли о том, что декларация о независимости Косово имеет сомнительную легитимность»²⁷.

Процедура выхода Крыма из состава Украины имела, по мнению Рейна Мюллерсона, тот же самый порок с точки зрения международного права, которым сопровождалось отделение Косово от Сербии. В обоих случаях осуществление права на самоопределение путем сепарации происходило при поддержке вооруженных сил: в Косово это были войска НАТО, в Крыму — российские воинские подразделения. Референдум 16 марта нарушил требования международного права, по его словам, «не потому, что он противоречит Конституции Украины или принцип самоопределения народов менее применим в Крыму, чем в Шотландии и Квебеке. Его незаконность вытекает из того, что референдум в Крыму проводился в ситуации, когда нарушался принцип неприменения силы со стороны Москвы (как это было и в случае бомбардировки Сербии из-за Косово и признания независимости последнего). Даже подлинность желания абсолютного большинства крымчан, выраженного, в частности, на референдуме 16 марта, присоединиться к России, не делает его законным (lawful). В лучшем случае он может считаться легитимным (legitimate)»²⁸.

Фактору применения силы Р. Мюллерсон придает определяющее значение при юридической оценке референдума. «Надо только спросить, — рассуждает он, — было ли возможно проведение в Крыму референдума 16 марта без российских вооруженных сил?.. В случае отрицательного ответа, а, на мой взгляд, это будет единственно возможным ответ, Россия должна считаться нарушителем

²⁷ Müllerson R. Ukraine: Victim of Geopolitics // Chinese Journal of International Law. 2014. Vol. 13. Issue 1. P. 140.

²⁸ Ibid. P. 141.

международного права. И это остается так, несмотря на то, что подавляющее большинство крымчан действительно выбрало интеграцию с Россией вместо того, чтобы остаться с Украиной. Нет никакого сомнения в том, что большинство крымчан, как и большинство граждан России, приветствовало воссоединение Крыма с Россией. С такой позиции это все может даже рассматриваться как легитимное, хотя и противоречащее международному праву»²⁹.

Рейн Мюллерсон не задал еще одного вопроса, который был бы здесь вполне уместным, так как ответ на него позволил бы дать более правильную юридическую оценку крымскому референдуму 16 марта 2014 года. Вопрос этот просто напрашивается: *если «подавляющее большинство крымчан действительно выбрало интеграцию с Россией вместо того, чтобы остаться с Украиной», то почему же тогда проведение в Крыму референдума было невозможно без российских войск? Очевидно, что такое могло быть только в случае «каких-либо насильственных действий» со стороны властей Украины, лишаящих народ Крыма его «права на самоопределение, свободу и независимость».* Но такие действия осуждаются «Декларацией о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций». Более того, народам, стремящимся реализовать свое право на самоопределение и сталкивающимся с препятствиями на этом пути, названной декларацией предоставляется право оказывать сопротивление насильственным действиям и добиваться в этом случае поддержки для осуществления своего права на самоопределение и «получать ее в соответствии с целями и принципами Устава». Российские войска в Крыму и призваны были

²⁹ Ibidem.

избавить народ Крыма от насильственных действий со стороны украинских властей или радикально настроенных националистов, лишаящих его возможности провести референдум.

Мнение о том, что воссоединение Крыма с Россией произошло в нарушение международного права, всецело господствует в среде западных политиков, юристов, журналистов. При этом обвинения России в нарушении международного права наслаиваются на обвинения организаторов референдума в Крыму в нарушении украинской и крымской конституций. В результате получается довольно мрачная картина: Россия рисуется в образе агрессора, аннексировавшего часть территории суверенного иностранного государства, новые руководители Крыма представляются уголовными преступниками, совершившими акт государственной измены.

9 апреля 2014 года Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) большинством в 154 голоса при 14 воздержавшихся и 26 против приняла резолюцию, гласившую: «Ассамблея сожалеет, что демократические перемены и политические события в Украине были омрачены событиями в Крыму. Ассамблея решительно осуждает российскую военную агрессию и последовавшую аннексию Крыма, что является явным нарушением международного права, включая Устав ООН, Хельсинкский заключительный акт Совецания по безопасности и сотрудничеству в Европе, а также Устава и основных принципов Совета Европы».

Приведенная резолюция основывалась на докладе «Последние события на Украине: угроза функционированию демократических институтов», который был подготовлен и принят Мониторинговым

комитетом Парламентской ассамблеи Совета Европы³⁰ 8 апреля 2014 года. В 16-м пункте этого документа утверждалось: «Так называемый референдум, организованный в Крыму 16 марта 2014 года, являлся неконституционным как по крымской, так и по украинской конституциям. Кроме того, сообщения о явке на него и его результатах неправдоподобны. Результат этого референдума и незаконная аннексия Крыма Российской Федерацией не имеют поэтому юридической силы и не признаются Советом Европы. Ассамблея подтверждает свою решительную поддержку независимости, суверенитету и территориальной целостности Украины»³¹.

Содержание и стиль резолюции ПАСЕ, а также доклада ее Мониторингового комитета предельно односторонни, категоричны и, следовательно, примитивны. Они как будто целиком написаны в Киеве, поскольку отражают исключительно украинскую точку зрения на ситуацию с Крымом. Между тем произошедшее в марте 2014 года воссоединение Крыма с Россией является событием, спор о котором должен решаться прежде всего в сфере науки. Причем это событие, всколыхнувшее все поле международной политики, нуждается в глубоком и всестороннем изучении не только для того, чтобы разрешить спор между Россией и Украиной, потушить разгорающийся международный конфликт.

Те, кто определяет воссоединение Крыма с Россией как «явное нарушение международного права» или в более мягких выражениях — как событие, «противоречащее международному праву», не

³⁰ Полное наименование данного органа — «Комитет по соблюдению обязательств и обязанностей государств-членов Совета Европы (Committee on the Honouring of Obligations and Commitments by Member States of the Council of Europe)»

³¹ Council of Europe. Parliamentary Assembly. Doc. 13482. Recent developments in Ukraine: threats to the functioning of democratic institutions. Text adopted by the Assembly on 9 April 2014 (15th Sitting) // <http://www.assembly.coe.int/ASP/Doc/XrefViewPDF.asp?FileID=20712&Language=EN>

задаются весьма простым вопросом: *какое международное право нарушило воссоединение Крыма с Россией?*

В устройстве международного сообщества, в сфере международной политики, в раскладе сил между государствами в последние четверть века произошли коренные перемены. Самой главной из них стало исчезновение, вследствие распада Советской империи дуалистического, двуполярного мира, вращающегося вокруг двух сверхдержав — СССР и США, каждая из которых воплощала к тому же и особый социально-экономический и политический строй (социализм и капитализм). Вместо этого удивительного мира в начале 90-х годов XX века возник другой — однополярный, с единственной сверхдержавой. Эта перемена не могла не отразиться на международном праве.

В своем поведении на мировой арене ведущие мировые державы всегда исходят из собственных интересов, в противном случае они перестают быть державами и превращаются в обыкновенные государства. Эта закономерность проявляется особенно отчетливо в моменты острых международных кризисов. Рассказывая о Карибском кризисе во взаимоотношениях СССР и США, который возник в октябре 1962 года вследствие размещения советских ракет на Кубе, американский дипломат Дин Ачесон³², занимавший пост государственного секретаря в период второго президентства Трумэна, пояснял позицию своей страны следующими весьма примечательными в этом плане словами: «Власти, положению и престижу Соединенных Штатов был брошен вызов со стороны другого государства; а право просто не имеет дела с такими вопросами высшей власти — власти, которая близко стоит к

³² Полное имя — Дин Гудерхэм Ачесон (*Dean Gooderham Acheson*, 1893–1971)

источникам суверенитета. *Я не могу поверить, что существуют принципы права, по которым мы должны допустить уничтожение нашего образа жизни»³³ (курсив мой. — В.Т.).*

Однако одновременное сосуществование на мировой арене двух сверхдержав, обладавших ядерным оружием и соответственно возможностью несколько раз уничтожить друг друга (как, впрочем, и вообще все живое на Земле), заставляла каждую из них ограничивать свои притязания определенными рамками, установленными международным правом, и в целом поддерживать принципы мирного сосуществования, суверенного равенства государств, их невмешательства во внутренние дела друг друга, неприменения силы или угрозы силой, нерушимости государственных границ, территориальной целостности. Эти принципы составляли главное содержание международного права эпохи дуалистического мироустройства, двуполярного мира.

Многие оценки произошедшего в марте 2014 года воссоединения Крыма с Россией даются с позиции именно этого международного права. Это, как мне кажется, объясняет, почему незаконность референдума в Крыму, состоявшегося 16 марта 2014 года, Рейн Мюллерсон связывает с нарушением Москвой принципа неприменения силы.

Состояние международного права стало меняться после распада СССР и утверждения США в качестве единственной сверхдержавы. Сложившийся после Второй мировой войны международный правопорядок и его организационные институты стали терять свое

³³ «The power, position and prestige of the United States had been challenged by another state; and law simply does not deal with such questions of ultimate power — power that comes close to the sources of sovereignty. I cannot believe that there are principles of law that say we must accept destruction of our way of life» (Acheson D., Chayes A., Wright Q. The Cuban Quarantine // Proceedings of the American Society of International Law at Its Annual Meeting (1921-1969). 1963. Vol. 57. Law and Conflict: Changing Patterns and Contemporary Challenges. P. 14.

прежнее значение. Специалист по американской внешней политике и международным отношениям профессор колледжа Колорадо Дэвид Хендриксон в статье «К универсальной империи: опасное стремление к абсолютной безопасности (односторонние действия США и доктрина превентивной войны)», опубликованной в 2002 году, следующим образом охарактеризовал такое положение на мировой арене: «Ни в какое время за последние 50 лет Соединенные Штаты не стояли в таком антагонизме, как к первичным нормам, так и к центральным институтам международного сообщества. Причину нетрудно обнаружить. Эти правила и институты передают простое послание (message) администрации Буша: посредством права вы не сможете делать то, что хотите делать (вторгаться в Ирак, затевать превентивные войны и т.д.). Следовательно, эти нормативные и институциональные ограничения должны быть унижены и опорочены администрацией, как мощи прошлой эпохи»³⁴.

Не встречая в мире преград своим эгоистическим устремлениям, США стали подчинять международное право исключительно своим интересам, превращая его в идеологическую систему, оправдывающую любые их внешнеполитические действия, в том числе открытое вмешательство во внутренние дела других государств. При этом в качестве главных оснований для интервенции в иностранные суверенные государства стали выдвигаться такие поводы, как защита прав человека, спасение или создание демократического строя, борьба с терроризмом и т.д. Профессор международных отношений Бирмингемского университета Николас Вилер следующими словами оценил данную тенденцию во внешней

³⁴ *Hendrickson D.C. Toward Universal Empire: The Dangerous Quest for Absolute Security // World Policy Journal. 2002. Vol. 19. No. 3. P. 5.*

политике США: «Отнюдь не стремясь изменить общие правила применения силы, Америка добивается освобождения себя от них, одновременно требуя особого права вмешиваться, чтобы защитить Соединенные Штаты от опасностей, связанных с глобальным терроризмом»³⁵.

В результате начало формироваться новое международное право, соответствовавшее характеру однополярного мира, с одним государством-сверхдержавой на вершине. В нем по-новому толковались такие основополагающие для любой правовой системы понятия, как «законность» и «легитимность». Была выдвинута даже идея о том, что незаконные с точки зрения принципов и норм традиционного международного права действия государств вполне могут быть признаны легитимными, если нарушения международного права совершаются с благородной целью — например, для того, чтобы защитить население какой-либо территории от грубых посягательств на права человека. Естественно, что новое международное право существенно расширило возможности для вмешательства США во внутренние дела других государств.

Важным фактором, повлиявшим на трансформацию международного права в 90-е годы XX века стало резкое увеличение количества суверенных государств³⁶ на международной арене. Если в

³⁵ *Wheeler N.J. The Bush Doctrine: The Dangers of American Exceptionalism in Revolutionary Age // Asian Perspective. 2003. Vol. 27. No. 4. P. 212.*

³⁶ Определение «суверенный» используется в данном случае всего лишь в качестве юридической фикции. На самом деле в мире нет государств, которые были бы в полной мере самостоятельны, суверенны и независимы. Экономически и политически все государства, в том числе и ведущие мировые державы, являются *несамостоятельными, несuverенными* и соответственно не обладающими полной независимостью, хотя и в разной степени. Причем государства зависят не только от других государств или от государственных союзов, в которые они входят, но от разного рода неофициальных политических и финансовых группировок и организаций, выступающих в форме клубов, комиссий, форумов и т.п.

1920-е годы в Лиге Наций состояло 42 государства, во время создания ООН в 1945 года было 51 государство. В начале 1990-х годов их насчитывалось уже 159. В 2008 г. ООН насчитывал уже 132 члена. Из этих цифр очевидно, какой размах приобрела практика осуществления права народа или нации на самоопределение.

Большое значение для испытания на практике идей и принципов нового международного права имели события, связанные с обретением Косово независимости, — прежде всего осуществленная в 1999 году против Сербии военная операция НАТО. Правоведы-международники, касаясь этого события, часто сравнивают его с бомбой замедленного действия, заложенной под все здание международного права. Так, Рейн Мюллерсон пишет о нем: «Косовская операция НАТО, на которую многие западные политики и эксперты ссылаются как на образец, которому должно следовать, чтобы спасти жизни, например, в Ливии или Сирии, может, тем не менее, послужить в качестве другого, намного более отрицательного, прецедента»³⁷. По его мнению, «косовский прецедент» вреден тем, что внушает мысль о допустимости применения силы для решения внешнеполитических проблем. Если «цивилизованный Запад» оказался не прочь применить насилие в международных отношениях, то почему бы и другим странам не сделать то же самое.

В действительности наибольший вред интересам поддержания нормального правопорядка на мировой арене наносит не сам по себе «косовский прецедент», а его теоретическое обоснование, изложенное в издании под названием: «Косовский доклад: конфликт. Международный ответ. Выученные уроки». Текст был составлен независимой международной комиссией по Косово, созданной по

³⁷ *Müllerson R. Regime Change: From Democratic Peace Theories to Forcible Regime Change. P. 191.*

инициативе премьер-министра Швеции Ханса Йорана Перссона и одобрен Генеральным секретарем ООН Кофи Аннано³⁸. В 2010 году он был опубликован в виде книги объемом в 372 страницы.

Этот труд содержит в развернутом и аргументированном виде основные положения нового международного права, возникшего в условиях однополярного мира и диктата США в международных отношениях. Некоторые из этих положений могут при определенных условиях стать просто разрушительными для мирового правопорядка и международного права.

«Комиссия делает вывод, — говорится в начале указанного доклада, — что военная интервенция НАТО была **незаконной, но легитимной**. Она была незаконной, потому что не получила предварительного одобрения от Совета Безопасности Организации Объединенных Наций. Несмотря на это, Комиссия считает, что интервенция была оправдана тем, что все дипломатические средства были исчерпаны, и потому, что интервенция имела своим результатом освобождение большинства населения Косово от длительного периода угнетения под сербским правлением»³⁹ (выделено мною. — В.Т.).

Этому положению авторы «Косовского доклада» явно придавали особое значение. В дальнейшем изложении текста доклада они повторили в более подробном выражении заложенную в нем идею: «Хотя есть дополнительный аргумент о подразумеваемом полномочии на применение силы, раз конфликт понимается Советом

³⁸ См. рецензию на «Косовский доклад» в издании: Human Rights Quarterly. 2004. Vol. 26. No. 3. P. 791–794.

³⁹ «The Commission concludes that the NATO military intervention was illegal but legitimate. It was illegal because it did not receive prior approval from the United Nations Security Council. However, the Commission considers that the intervention was justified because all diplomatic avenues had been exhausted and because the intervention had the effect of liberating the majority population of Kosovo from a long period of oppression under Serbian rule» (The Kosovo Report. Conflict. International Response. Lessons Learned. The Independent International Commission on Kosovo. Oxford, 2000. P. 4).

Безопасности ООН в качестве угрозы международному миру и безопасности в соответствии с главой VII Устава, то будет трудно примирить вооруженное вмешательство НАТО от имени Косово с общей системой законных прав и обязанностей, определяющих законность применения силы. Однако можно утверждать, что параллельно закрепленным в Уставе ограничениям на применение силы в Уставе выражается поддержка международному содействию и защите прав человека. В этой связи и было заявлено, что, принимая во внимание разворачивающуюся гуманитарную катастрофу, вызванную сербским примером насильственной преступности по отношению к гражданскому албанскому населению в Косово, применение силы со стороны НАТО было легитимным»⁴⁰.

Тема легитимности не является новой для международного права, но в последние два десятилетия она, безусловно, привлекает к себе повышенный интерес правоведов и политологов, специалистов в области международных отношений. До этого публикации на данную тему появлялись довольно редко⁴¹. С начала 90-х года XX века их поток стал нарастать. В последнее десятилетие буквально ежегодно выходят десятки книг и статей о легитимности в международном праве, содержании и смысле этого принципа, его соотношении с

⁴⁰ «Although there is a subsidiary argument about implied authorization to use force once a conflict has been formally treated by the UNSC as a threat to international peace and security under Chapter VII of the Charter it remains difficult to reconcile NATO's recourse to armed intervention on behalf of Kosovo with the general framework of legal rights and duties which determines the legality of the use of force. It is, however, possible to argue that, running parallel to the Charter's limitations on the use of force, is Charter support for the international promotion and protection of human rights. In this vein it has been asserted that, given the unfolding humanitarian catastrophe precipitated by the Serb pattern of oppressive criminality toward the civilian Albanian population in Kosovo, the use of force by NATO was legitimate» (Ibid. P. 167)

⁴¹ «Международная легитимность — неуловимое и туманное понятие, на границе между моралью и правом. Она может быть описана как моральная приемлемость (acceptability). Приемлемость для кого? — Для остального международного общества», — такими словами определял международно-правовую легитимность Мартин Уайт. См.: *Wight M. International Legitimacy // International Relations: Journal of the David Davies Memorial Institute of International Studies. 1972. Vol. 4. No. 1. P. 1.* Также см.: *Claude I.L. Collective Legitimization as a Political Function of the United Nations // International Organization. 1966. Vol. 20. No. 3. P. 367–379.*

принципом законности⁴². Такое большое внимание к одной из проблем международного права не может быть случайным. Ученые правоведы поняли, что международный правопорядок переживает после распада СССР критические времена: в нем совершаются коренные перемены и если определять их как революцию, то правильнее будет сказать, что сущность перемен в современном международном праве составляет **революция легитимности**. По словам американского политика и журналиста Роберта Кагана, «борьба за то, чтобы определить и получить международную легитимность в этой новой эпохе, может оказаться среди критических противостояний нашего времени, в некотором смысле, также значимой в определении будущей международной системы и места Америки в ней, как и любой чисто материальной меры власти и влияния»⁴³.

Слова «legitimacy (легитимность)» и «legality (законность)» имеют общий корень и смыслы их не могут не совпадать, однако сам факт употребления двух этих понятий показывает, что они отличаются одно от другого по своему содержанию и значению.

Легитимность имеет более объемное содержание по сравнению с законностью, но, согласно логике, не может не включать в себя законность, т.е. не может быть *легитимностью беззакония*. Иначе получается бессмыслица и понятие легитимности обесценивается.

⁴² См.: *Franck Th.M.* The Power of Legitimacy among Nations. Oxford, 1990. *Hurd I.* Legitimacy and Authority in International Politics // *International Organization*. 1999. Vol. 53. No. 2. P. 379–408. *Clark I.* Legitimacy in International Society. Oxford, 2005. *Force and Legitimacy in World Politics* / Edited by David Armstrong, Theo Farrell and Bice Maiguashca. Cambridge, 2005. *Armstrong D., Farrell Th.* Force and Legitimacy in World Politics: Introduction // *Review of International Studies*. 2005. Vol. 31. Force and Legitimacy in World Politics. P. 3–13. *Clark I.* International Legitimacy and World Society. Oxford, 2007. *Legitimacy in International Law* / Edited by R. Wolfrum and V. Röben. Heidelberg, 2008. *Legitimacy, Justice and Public International Law* / Edited by Lucas H. Meyer. Cambridge, 2009. *Brunnée J., Toope S.J.* Legitimacy and Legality in International Law. Cambridge, 2010. *Buchanan A.* Human Rights, Legitimacy, and the Use of Force. Oxford, 2010. *Fault Lines of International Legitimacy* / Edited by Hilary Charlesworth and Jean-Marc Coicaud. Cambridge, 2010.

⁴³ *Kagan R.* Of Paradise and Power. America and Europe in the New World Order. New York, 2004. P. 108.

Авторы «Косовского доклада» своим заявлением о том, что «военная интервенция НАТО была незаконной, но легитимной», полностью отделили эти понятия одно от другого⁴⁴: они признали легитимным действие совершенно незаконное, а это значит, использовали определение «legitimate» не в качестве термина с богатым содержанием и смыслом, но всего лишь как ширму, прикрывающую беззаконие — во всяком случае, действие, характеризующееся определением «illegal».

Вполне сознавая недопустимость противопоставления свойства легитимности качеству законности, авторы доклада на последующих его страницах представили некоторое пояснение к своему мнению о легитимности незаконной военной операции НАТО в Югославии в 1999 года. «Опыт интервенции НАТО в Косово, — заявили они, — предполагает *необходимость преодоления разрыва между законностью и легитимностью*. Комиссия считает, что подошло время представить принципиальную основу для гуманитарной интервенции, которую можно было бы использовать как руководство будущими ответными действиями, предпринимаемыми в качестве реакции на грозящие гуманитарные катастрофы»⁴⁵ (курсив мой. — В.Т.).

Если понятие легитимности не использовать в качестве ширмы для творимого на международной арене беззакония, а применять его для оценки международных событий и, в частности, для характеристики ситуации, возникающей в случае реализации тем или иным народом права на самоопределение путем выхода его из состава государства, то оно сыграет в высшей степени положительную роль при разрешении международных споров.

⁴⁴ «Косовская дилемма раскрыла нежелательный разрыв между легитимностью и законностью», — отметил в своей статье, посвященной антитеррористической войне, Ричард Фальк (*Falk R. The Great Terror War. Moreton-in-Marsh, 2003. P. XVI*).

⁴⁵ The Kosovo Report. С. 10.

Международные организации и нормы международного права даже в условиях стабильности в международных отношениях не всегда способны выполнять ту роль, к которой они призваны. Нормативное содержание международного права в силу особенностей своего формирования всегда имеет пробелы и страдает от противоречий. Поэтому при выработке юридической оценки тех или иных событий часто приходится обращаться не к букве, а к духу международного права, прибегать к толкованию международно-правовых норм, обнаруживать юридические аргументы в практике Международного суда и в практических случаях, аналогичных тому, для которого ищутся аргументы. Как бы то ни было полного соответствия той или иной ситуации или какого-либо действия государства конкретным нормам международного права чаще всего не бывает. А это значит, что **не бывает в международном праве и в полной мере законных действий.**

Еще менее способно международное право выполнять свою роль в периоды острого кризиса в международных отношениях. «Каждая юридическая система, особенно ее учредительные компоненты (в нашем случае те, которые большей частью выражены или вытекают из Устава ООН), хорошо работает в сравнительно стабильной, т.е. нереволюционной обстановке, поскольку право как нормативная система призвано функционировать, по самому названию правовых норм, в нормальных обстоятельствах»⁴⁶.

В условиях, когда законность того или иного действия государства невозможно обосновать полностью или хотя бы частично, на помощь приходит понятие легитимности, которое опирается на нормы не только права, но и морали, а также на практику разрешения

⁴⁶ *Müllerson R. Ukraine: Victim of Geopolitics. С. 134.*

международных споров, правосознание, труды правоведов-международников, мнение влиятельных в мировом сообществе политических группировок.

Важно еще отметить, что события, подобные воссоединению Крыма с Россией, можно по-настоящему понять, если на них объективно смотреть не только с точки зрения международного права, моральных ценностей, политической обстановки, но и с позиции геополитических интересов России, Украины и ведущих мировых держав.

Именно такой, предельно широкий взгляд на международные события, предполагает применение для их оценки понятия легитимности. *Однако для того, что оно стало использоваться в международном сообществе не в качестве ширмы, прикрывающей беззаконие, а как принцип или критерий, позволяющий дать всестороннюю – как юридическую, так и политическую, и моральную оценку действиям государств, необходимо ограничение гегемонии США на мировой арене. Именно она является в настоящее время главным препятствием на пути развития такого международного права, которое бы соответствовало реалиям современного мира.*

Это обстоятельство вполне сознается ведущими западными юристами-международниками, политологами и публицистами. «Основной проблемой для сегодняшнего международного сообщества можно считать необходимость приспособления анти-гегемонистских принципов к новым реалиям преобладания США. Может ли легитимность быть переформатирована в таком контексте? Необходимым условием морального консенсуса должен быть такой результат, чтобы ни один субъект, каким бы могущественным он ни был, не мог постоянно навязывать свою волю... В этом плане

могущество Соединенных Штатов представляет собой, возможно, фундаментальную проблему для современной практики легитимности»⁴⁷, — рассуждает Ян Кларк.

В чем конкретно заключается данная проблема, ясно показало воссоединение Крыма с Россией. Это событие, безусловно, должно было подвергнуться тщательному и вдумчивому юридическому анализу специалистов и оценено ими прежде всего с точки зрения международного права — по критериям как *законности*, так и *легитимности*. Вместо этого была развернута широкомасштабная пропагандистская кампания, выставившая Российское государство агрессором, а добровольное вхождение Крыма в Российскую Федерацию представившая обыкновенной аннексией.

Сложнейший и интереснейший случай осуществления права народа на самоопределение путем сепарации, которым стал выход Крыма из состава Украины, мог стимулировать развитие международного права, способствовать его обновлению и обогащению множеством новых идей. Вместо этого данный случай сыграл очень печальную роль, а именно: показал, **в каком плачевном состоянии находится мировое сообщество, международный правопорядок и международное право.** Последнее перестало пользоваться каким-либо уважением со стороны ведущих мировых держав, которые до этого, в течение ряда столетий, являлись главным двигателем его поступательного развития.

Характеризуя отношение к международному праву, утвердившееся в последние два десятилетия в западном сообществе, президент Института международного права профессор Рейн Мюллерсон с горечью заметил: «К сожалению, в контексте

⁴⁷ Clark I. Legitimacy in international society. New York, 2005. P. 170.

сегодняшних геополитических конфликтов, правовые аргументы, из-за такого пренебрежительного и даже легкомысленного отношения к международному праву... не имеют большого веса. В лучшем (или худшем) случае, они дают словесные боеприпасы к ведущейся информационной войне, в которой первой жертвой, как всегда, является ПРАВДА»⁴⁸.

19 мая 2014 года

⁴⁸ «Unfortunately, in the context of today's geopolitical conflicts, legal arguments, due to such slight and even frivolous attitudes towards international law... do not carry much weight. At best (or worst), they give verbal ammunition to the current information warfare wherein the first victim, as always, has been the truth» (*Müllerson R. Ukraine: Victim of Geopolitics // Chinese Journal of International Law. 2014. Vol. 13. Issue 1. P. 137*).